

Старейшина Тяньмин добродушно улыбался, непрерывно кивая, его лицо было наполнено теплотой.

— Старейшина Ханьян редко заходит на пик Гутай. Прошу, вместе с господином Цзися пройдите в мою пещеру на беседу!

Юй Чанцин изначально не хотел заходить, но, вспомнив, что ему нужно найти кого-то с пика Гутай, чтобы научить Ван Дачжуана выращивать травы, слегка кивнул и шагнул внутрь пещеры.

Старейшина Тяньмин, увидев, что он действительно останется для разговора, обрадовался и поспешил сделать знак своему ученику, приглашая Ван Дачжуана войти в пещеру.

Ван Дачжуан же подумал, что в этом нет ничего особенного — разве это не похоже на обычный визит в гости в родной деревне?

Трое заняли свои места, и вскоре к ним подошёл молодой человек с чайником. Он сперва вежливо поклонился Юй Чанцину и Ван Дачжуану, назвал Юй Чанцина "Ханьян-шишу", затем осторожно налил чашку горячего чая и с выражением благоговения поставил её перед Юй Чанцином.

Ван Дачжуан заметил, что этот человек был высоким и статным, с приятной внешностью, и не походил на обычного слугу. Он невольно задержал на нём взгляд, но тут же почувствовал, как его Сяньцзюнь больно наступил ему на ногу под столом.

Ладно, ладно! Глазеть на людей в чужом доме и правда невежливо. Ван Дачжуан поспешно отвёл взгляд, и Сяньцзюнь наконец-то успокоился.

Старейшина Тяньмин заметил его интерес и с улыбкой пояснил:

— Господин Цзися ещё мало знаком с учениками нашей секты. Позвольте представить: это мой личный ученик, Юй Циньюнь. У него духовный корень огня, и, как и я, он любит заниматься алхимией, хотя и является мечником. Его талант неплох, и понимание тоже на уровне, но больше всего мне нравится его характер — он скромн, трудолюбив и не кичится своими успехами, хотя немного застенчив и не любит много говорить.

После этих слов он повернулся к ученику.

— Циньюнь, подойди и поприветствуй господина Цзися.

Юй Циньюнь сделал шаг вперёд, почтительно поклонился и сказал:

— Ученик Юй Цинъюнь приветствует господина Цзися.

Ван Дачжуан перепугался. Как он, обычный деревенский парень, мог принимать такой почтительный поклон от ученика секты? Он тут же вскочил, собираясь ответить, но не успел — Юй Чанцин лёгким нажатием на плечо удержал его на месте.

Поняв, что не сможет пошевелиться, Ван Дачжуан неловко пробормотал:

— Пожалуйста, встаньте, я всего лишь обычный человек, я не заслуживаю такого почтения...

Старейшина Тяньмин, смеясь, покачал головой:

— Ах, господин Цзися, вы не правы! Вы спасли старейшину Ханьяна, а значит, оказали великую услугу всей секте Гуйюань. Кроме Верховных старейшин Долины Божественного Дао, нет в нашей секте человека, чей поклон был бы вам неподобающим. Более того, вы — друг старейшины Ханьяна, а раз так, мы должны относиться друг к другу как к равным. Цинъюнь — мой ученик, значит, он ваш младший. Обычный поклон младшего старшему — пустяк, в нём нет ничего странного.

Ван Дачжуан немного запутался в его словах, моргнул, а затем с надеждой взглянул на своего Сяньцзюня.

Юй Чанцин коротко кивнул.

Тогда Ван Дачжуан, наконец, улыбнулся Юй Цинъюню.

Ну раз Сяньцзюнь сказал, что так можно, значит, так и должно быть. Иметь бессмертного в качестве младшего — этот мир действительно удивителен. Какая же у его Сяньцзюня высокая репутация... И получается, что даже он, обычный деревенский парень, теперь пользуется этим авторитетом.

Юй Цинъюнь выглядел почтительным, и в его манерах не было даже намёка на притворство. Очевидно, он делал это совершенно искренне.

Юй Чанцин приподнял глаза и взглянул на Юй Цинъюня, затем спокойно сказал:

— Характер ученика Цинъюня действительно выдающийся. Очень неплохо.

Лицо Юй Цинъюня, и без того чистое и изящное, вспыхнуло румянцем возбуждения. Он поспешно склонился в глубоком поклоне:

— Благодарю за похвалу, Ханьян-шишу!

Ван Дачжуан подумал: «Почему этот парень, как и Янь Луян раньше, выглядит так, будто готов упасть в обморок от одного комплимента Сяньцзюня?»

Но сегодня они пришли с важным делом. Старейшина Тяньмин так взволновался, увидев плоды, а Сяньцзюнь так не хотел их отдавать, что, видимо, они были крайне ценными. Ван Дачжуан даже начал жалеть, что уговорил Сяньцзюня отдать их. Но раз уж сделано, назад не отыграешь. Если уж Сяньцзюнь выставил такую ценность и понёс за это свои неудобства, то пусть это не пройдёт просто так. По крайней мере, старейшина Тяньмин должен знать, как трудно было добыть эти плоды, чтобы в будущем, если с Сяньцзюнем что-то случится, старейшина Тяньмин мог бы помочь с большим усердием.

А по характеру Сяньцзюнь ни за что не станет всё это объяснять сам. Значит, придётся сделать это ему. Ван Дачжуан повернулся к старейшине:

— Старейшина Тяньмин, Сяньцзюнь сказал, что если отдать эти плоды в руки истинного мастера алхимии, то один плод можно обратить в шесть пилюль. Это правда?

Старейшина Тяньмин, услышав об алхимии, сразу оживился:

— Если старейшина Ханьян так сказал, то как может быть иначе? Действительно, так и есть. Сейчас у нас три плода, и, если всё пойдёт хорошо, мы получим как минимум пятнадцать пилюль. Половина, как и обещано, достанется старейшине Ханьяну, а остальное останется в хранилище секты. Однако алхимия — искусство рискованное. Даже мастера не могут дать стопроцентной гарантии успеха.

Ван Дачжуан кивнул:

— Это правда. А пик Гутай не оставит себе несколько пилюль?

Старейшина Тяньмин поспешно замахал руками:

— Нет-нет, такие драгоценные лекарства должны быть переданы секте для чрезвычайных ситуаций. Как может пик Гутай оставлять их себе?

— Старейшина Тяньмин, вы говорите, что Сяньцзюнь щедр и благороден, но вы сами не хуже, — восхищённо проговорил Ван Дачжуан.

Старейшина Тяньмин засмеялся, его борода подрагивала.

— Юный друг Цзися, вы не понимаете, для нас, любителей алхимии, возможность работать с

такими материалами — это уже огромная удача!

Ван Дачжуан кивнул, затем вздохнул:

— Действительно, эти плоды — большая ценность, но и добыть их непросто. Даже для Сяньцзюня это было нелегко. Старейшина, вы ведь не знаете, в каком он был состоянии, когда доставал их. В то время он был тяжело ранен, его меридианы были повреждены, и в теле не осталось духовной силы. К тому же, он обладает телом с ледяным духовным корнем. Когда он спускался за плодами в холодный пруд, то был на волоске от гибели. Вылез оттуда весь в крови, едва добрался назад живым.

— После того как он собрал плоды, он сожалел, что ему пришлось их просто съесть. Если бы их передали мастеру алхимии, даже одного плода хватило бы, чтобы вылечить его раны.

— Но тогда у него не было выбора. Ради исцеления ему пришлось проглотить два плода целиком. Остальные он сохранил, сказав, что отдаст их старейшине Тяньмину по возвращении в секту. В то время у него не было этой нефритовой шкатулки, и чтобы плоды не испортились, он поддерживал их своей духовной силой. А ведь его собственные раны только-только начали заживать. Стоило ему использовать силу, как его тело пронзала боль. Так что сохранить эти плоды в целости было совсем не просто.

Выражение лица старейшины Тяньмина менялось по мере того, как Ван Дачжуан рассказывал свою историю. Он раз за разом переводил взгляд на Юй Чанцина, словно не мог поверить в услышанное. Когда рассказ был окончен, он поднялся и почтительно склонился перед Юй Чанцином в глубоком поклоне.

— Я всегда знал, что старейшина Ханьян предан секте всей душой. Но старейшина, ваша собственная жизнь и тело — это опора всей нашей секты. Плоды Чи Юй, конечно, редки, но они ничто по сравнению с вашей силой. Прошу вас, впредь берегите себя! Никакое сокровище не стоит вашей жизни!

Юй Цинъюнь, что стоял в стороне, уже едва сдерживал слёзы. Он больше не бросал на Юй Чанцина украдкой взгляды, а теперь смотрел на него прямо, сжимая кулаки, чтобы не дать слезам выкатиться.

Ван Дачжуан не ожидал, что его слова вызовут такую реакцию, и немного растерялся. Если они действительно прямо тут расплачутся, будет немного неловко...